

К 100-летию со дня рождения Ов. Абеяна

РАССКАЗЫВАЕТ ЖАСМЕН...

Я СЧАСТЛИВА, что на своем сценическом пути встретила с таким гигантом, как Абеяна. — так начинается свой рассказ о нем одна из старейших армянских актрис Жасмен. Долгие годы Жасмен была партнершей Абеяна, с ним у нее связано много дорогих воспоминаний, потому рассказ ее несколько отрывочен. Она говорит о нем, волнуясь, иногда подолгу подбирая слова, чтобы четко сформулировать свою мысль, перебивая и уточняя самое себя. Она то вспоминает интересные случаи, связанные с гастрольными поездками, то пытается охарактеризовать его как артиста, то говорит о его исключительно чутком отношении к другим артистам.

Благодарностью, преклонением перед памятью своего учителя и гордостью современницы великого артиста проникнуто каждое ее слово.

— Все долгие годы моей работы с ним и потом всю свою жизнь я находилась под его обаянием. Когда он появлялся на сцене, величественный, мужественный, колоритный, то с первой же минуты покорял и зрителей, и всех исполнителей. И, наверное, мало кто догадывался о том, что каждый выход на сцену для него — священный ритуал, перед которым им ов-

ладевает суеверный страх. Задолго до выхода на сцену он ходил, страшно волнуясь, весь сосредоточенный и напряженный, и истово крестился. И эту «хроническую болезнь» — свою манеру волнения — он передал и мне на всю жизнь.

До революции в зимние месяцы мы выступали в Тифлисе или Баку, а летом Абеяна набирал труппу из 10—18 человек, и мы отправлялись в турне по Северному Кавказу, в закавказские города, в российские губернии, вплоть до Москвы и Ленинграда. Всем хотелось участвовать в этих гастрольных поездках, но Абеяна набирал в труппу лишь самых дисциплинированных, фанатиков сцены, не выделяя «больших» и «маленьких» актеров. Кристально честный и удивительно щедрый человек, Абеяна в то же время был прекрасным администратором. Он входил во все мелочи организационных вопросов, а его богатая фантазия часто выручала нас в критические минуты. Как-то, в Баку, Абеяна собственноручно продавал билеты в офицерском собрании и даже заложил часть

своего дома, чтобы своевременно обеспечить артистов зарплатой.

К любой, даже самой маленькой, роли он готовился долго и тщательно, перелистывал все свои роли, говоря, что это сближает его с образами, помогает войти в них. В то же время он любил ошеломлять и нас, и публику неожиданными импровизациями, юмористическими находками.

Помню такой эпизод. В Баку мы играли «Намус». Абеяна — Бархудар был неповторим. Отзвучали последние аплодисменты, которыми наградила его публика за потрясающее исполнение. Как известно, в последующих сценах спектакля Бархудар больше не появляется. И вдруг, во время сцены свадьбы я слышу смех в первых рядах. Сначала сдержанный, потом все громче и громче, и вот уже хохочет весь зрительный зал, да и актеры больше не в силах сдерживаться. В чем дело? Я — Сусан, мое лицо закрыто густой вуалью, незаметно отвожу вуаль и вижу такую картину: стоит Абеяна, загримированный и одетый под

повара (персонаж, сочиненный им тут же, на месте), в руках держит огромную ложку для плова и невозмутимо аплодирует танцующим, не обращая никакого внимания на смех и ни на секунду не выходя из роли...

А вот еще одно, пожалуй, самое «романтическое» приключение нашей труппы — поездка в Карс.

1917 год. Фронт у Сарыкамьша. Наша труппа собралась на Тифлисском вокзале, откуда мы должны были выехать в Карс. Состав был битком набит солдатами, и нам с большим трудом удалось втиснуться в один из вагонов. Абеяна суетился, заботливо устраивая всех как мог. Мне повезло больше остальных, — озорные искорки пробегают в глазах Жасмен, — меня пожалел один вахмистр и втащил к себе на верхнюю полку, и я всю ночь безмятежно спала, обняв его сапоги, а он

положив голову мне на ноги. Среди ночи я проснулась и вижу: внизу стоит Абеяна и... спит, а рука его привязана к верхней полке. Так он провел всю ночь...

Приехали в Карс. Там было много войска, и несколько дней мы с успехом выступали при переполненных залах. Както днем сидим мы в Офицерском собрании. Вдруг вбегают туда офицеры, бледные, с трясущимися губами и с сорванными погонами. Из их бессвязного рассказа мы узнаем, что в Петербурге уже много дней как произошла революция, об этом сообщили солдатам пробравшиеся в Карс агитаторы, и солдаты, вырвавшись из казарм и забрав из цейхгаузов винтовки, вышли на улицу, избивают нелюбимых офицеров и идут брать знаменитую Карскую цитадель. Это была первая вспышка революции в Карсе. Едва дослушав, мы с

Абеяном выбежали на улицу, забрались на крышу бани, и я была свидетельницей того, как Абеяна кричал солдатам: «Да здравствует революция!» И мы все, задыхаясь от восторга, кричали «ура». Охватившее меня радостное волнение достигло апогея. Я спустилась с крыши и, слившись с солдатской массой, пошла вперед, к Карской цитадели, откуда на нас в упор были наведены жерла пушек. Но ничто не в силах было остановить людей. Вдруг все замерло, громовое «ура» заглушило отдельные выкрики, и мы увидели, как на цитадели на месте трехцветного николаевского знамени взвился красный флаг. Это передние ряды революционно настроенных солдат проникли в цитадель.

Пыльная, усталая, но счастливая, возвратилась я в гостиницу. Меня встретил Абеяна и

сообщил еще одну радостную новость: он добился разрешения ставить какую-то, ранее запрещенную революционную пьесу (к сожалению, не помню названия). Последующие наши выступления в Карсе были действительно триумфальными.

С горящими глазами увлеченно рассказывает об этом Жасмен. Ликующе радостится ее сильный молодой голос, ведь в рассказанных ею событиях Абеяна и она были снова достойными партнерами. Как и на сцене.

— Последний раз я играла с ним в Кировабаде. — звучный голос артистки дрожит и прерывается... — А потом страшное известие и поспешная поездка в Ереван на его... похороны.

Но нет, нет, не буду вспоминать об этом. Ведь в моей памяти он и до сих пор остался тем живым, веселым и трогательно нежным великаном, который умел быть сказочным богатырем в жизни и гигантом на сцене.

З. ОЛАНЯН.

ПУТЬ МАСТЕРА СЦЕНЫ

В Музее литературы и искусства открыта выставка, посвященная столетию со дня рождения Ованеса Абеяна. Она рассказывает о пройденном актером долгом и славном пути.

Со стен смотрят на нас фотографии Абеяна в ролях. Здесь Бархудар и Элизбаров — неуязвимые персонажи творений Ширванзаде, Отелло, и Король Лир, доктор Штокман и Егор Бульчов... Разные по характеру, по социальному и общественному положению, эти образы объединены одним духом, который вложил в них Абеяна — духом свободы и глубокой человечности. Тут же выдержка из высказывания Ширванзаде:

«...Игра Абеяна искренна, естественна и всегда многогранна. Ни в одном образе он не похож на другой, как обычно у большей части актеров. Его манеры, движения, декламация, произношение, походка, смех, грим, словом, весь внешний колорит соответствует внутреннему чувству и верен замыслу автора. Играет Абеяна просто, реалистично и современно».

За стеклом тетради, исписанные рукою Абеяна. «Смерть Иоанна Грозного». Трагедия в 5 действиях гр. А. К. Толстого. Перевел О. Абеяна. — гласит надпись. Другая тетрадь содержит перевод пьесы «Дети Ваню-

шина» С. Найденова. «Эта пьеса, — пишет Абеяна, — удостоена премии С.-Петербургского литературно-художественного общества. С разрешения автора перевел О. А...». В двух других тетрадях — роли Бархудара, одна на армянском, другая на азербайджанском языках, которыми прекрасно владел актер. Тут и рукописи переводов «Макбета» Шекспира и «Бесчестными не рождаются» Роветти. В 1924 году в Нью-Йорке Абеяна выступал в пьесе А. Н. Островского «Доходное место». В переводе Абеяна комедия озаглавлена «Доходное место, или бизнесмены».

На другой витрине — книги о жизни и творчестве Абеяна. В монографии «Ованес Абеяна», богато насыщенной фактами, документальными данными и воспоминаниями современников, театровед Саркис Меликсетян анализирует творческий метод актера. Левон Калантар, говоря о кипучей творческой энергии Абеяна, сравнивает его с пловцом, бесстрашно пересекющим морские волны и неуклонно идущим к своей цели.

На выставке экспонируются одежда и предметы, которыми пользовался Абеяна на сцене, — меч Отелло, корона короля

Лира... Абеяна благоговел перед гением Шекспира. В Стратфорде он посещает могилу великого драматурга. «Я маленький армянский артист, — сказал он, преклонив колени, — в эту минуту считаю себя самым счастливым человеком, склоняя голову перед твоей могилой». «Глаза его, — рассказывает в своих воспоминаниях дочь Абеяна, — были полны слез».

Привлекают внимание документы о присвоении Абеяну звания народного артиста Армянской ССР и Азербайджанской ССР. На стенде — высказывание азербайджанского театрального деятеля Сидки Рухулла: «Ованес Абеяна был мастером и учителем не только армянской сцены, но и азербайджанской сцены и азербайджанских актеров».

В фондах музея — письма, телеграммы, послания. «Дорогой товарищ и учитель! — пишет в день 35-летнего юбилея Абеяна известный грузинский режиссер Ал. Цуцунава. — Приветствую доблестного борца за искусство, который непоколебимо стоит на своем художественном посту и зажигает священный огонь в сердцах своих слушателей. В этот торжественный для нас день я хочу напомнить вам еще раз о той чистой дружбе, кото-

рая искони существует между грузинским и армянским театрами, что у нас есть общее горе и общая радость». С большим подъемом говорит Цуцунава о проникновенном исполнении Абеяном роли Огарбека в знаменитой драме «Измена» А. Сумбаташвили — Южина.

Живя и работая в Ереване, Абеяна говорил: «Я объездил, выступая, все четыре материка. На севере крайним пунктом, где я выступал, был Ленинград, на юге — Каир, на Востоке — Фергана, на западе — Чикаго. Все, что я мог сделать в этих местах для армянского театра, я сделал. Теперь я должен широко развернуть свою деятельность в родной стране, среди родного народа, в селах, поселках, в рабочих районах...».

Полный кипучей энергии, светлых надежд и веры в человека, — таким предстает перед посетителями выставки народный артист Ованес Абеяна. И, быть может, ни один экспонат выставки не запоминается так ярко, как фотоснимок «На родину!», запечатлевший момент возвращения его из заграничной поездки в Ереван. Волевым, слегка суровым лицом. С высоко поднятой рукой сходит он с вагона.

К. КОРГАНОВ.